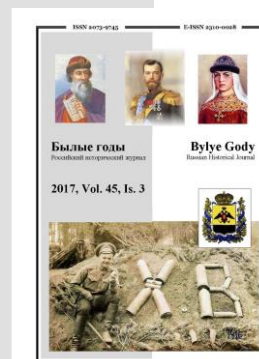

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 803-810, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.803
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries

Goran Rajović ^{a, *}, Dmitry O. Ezhevski ^b, Alla G. Vazerova ^c, Milica Trailovic ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^c Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the Circassia in the russian-turkish dialogue at the end of XVIII – early of XIX centuries. The article is paid attention to the little-known pages of relations between Russia and Turkey in maintaining stability on the territory of Circassia on the eve of the Caucasian war. In particular, this interaction is reflected in the responsibility of Turkey to Russia for robberies of the circassians on the russian side and in the attempts of the turkish authorities to prevent attacks of the circassians on the russian territory.

There were used as materials the documents of the state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation). Also, there were involved the pre-revolutionary and modern researches reflecting the process of relations between Russia and Turkey on the circassian issues. The methodological basis of the article was the traditional for research of this kind the principles of historicism, objectivity, analytical and comparative methods.

In conclusion, the authors noted that there was created an extensive dialogue on the circassian issues between Russia and Turkey in the late of XVIII – early of XIX centuries. So, there was clearly defined the property and financial responsibility for the theft of the circassians on the russian side, there was an exchange of prisoners and fugitives, generally there was supported a ban on the adoption of the representatives of the local people fled from the circassian territory. By the end of the XVIII century such tendencies that the turks could not convince the circassians to stop the attacks on the russian side became clearly evident. In the result, the russian administration began to resort to the rare implementation of repressive measures.

Keywords: Circassia, russian-turkish agreements, the end of the XVIII – early of XIX centuries, the Black Sea cossacks.

1. Введение

Тема Кавказской войны сегодня продолжает вызывать значительный интерес научно-педагогической общественности. Введение в научный оборот новых источников позволяет глубже понять социально-экономические и геополитические процессы, происходящие в Черкесии и на сопредельных территориях, а именно в России и Турции. Это позволяет лучше, живописнее представить картину сложного диалога накануне и в начальный период Кавказской войны. В данной

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazerova)

статье ставится задача на основе впервые вводимых в научный оборот источников охарактеризовать варианты взаимоотношений между Россией и Турцией накануне Кавказской войны.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечены были также дореволюционные и современные исследования отражающие процесс взаимоотношений России и Турции по черкесским вопросам.

Методологическую основу статьи составили традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический и сравнительный методы. Метод историзма позволил рассмотреть на основе разнородных фактов, полученных в ходе работы с документами, важные явления и процессы, связанные с взаимодействием российской и турецкой администраций в контексте черкесского вопроса. Объясняя развитие тех или иных процессов, происходящих на внешнеполитической арене, мы учитывали исторические условия их протекания, обусловленные внутренними факторами, а также веками сложившимися традициями в черкесском обществе.

3. Обсуждение

Историография данного периода, ситуации накануне Кавказской войны, скудна. Тем не менее, ее можно разделить на два периода: дореволюционный и современный.

К дореволюционной историографии необходимо отнести работы по деятельности Кубанского егерского корпуса в черкесском вопросе российско-турецких взаимоотношений (Боборовский, 1893), материалы по истории Кавказа и Черкесии, в частности (Бутков, 1869; Люлье, 1990; Сталь, 1900). Представляют интерес материалы о потерях российской армии в начальный период Кавказской войны (Сборник сведений о потерях, 1901).

Не обойдены вниманием и материалы личного происхождения различных эмиссаров и разведчиков (Лапинский, 1995; Торнау, 2008).

В современной историографии важное внимание уделяется причинам начала Кавказской войны. Так, А.А. Черкасов, М. Шмигель и другие связывают начало войны с гражданским противостоянием в горском обществе, начавшемся в 1785 г. (Cherkasov et al., 2014; Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a). Разделившееся черкесское общество было представлено как враждующими, нейтральными и союзными (Казаков, 2006; Cherkasov et al., 2015b) к Российской империи представителями. Коренная ломка общественного устройства у горцев привела, впоследствии, и к разрушению византийского историко-культурного наследия на территории Черкесии, в особенности ее прибрежной части (Cherkasov et al., 2016).

4. Результаты

4.1. Мирные договоренности между Россией и Османской империей о Черкесии

29 декабря 1791 г. Яским миром закончилась вторая русско-турецкая война. Река Кубань окончательно была признана пограничной чертой русских владений. Османская империя обязывалась не допускать жителей левого берега реки Кубани переходить реку и, под каким бы то ни было предлогом, нарушать спокойствие русских подданных по правую сторону Кубани. За насилия и грабежи со стороны турецких подданных Порты должна была, без всяких отговорок, наказывать виновных на пограничной черте в присутствии русских комиссаров и заставлять возвращать захваченное имущество (Бобровский, 1893: 45).

4.2. Обстановка в Черкесии

Важной темой в диалоге между Россией и Турцией в начале 1790-х гг. была тема черкесских разбоев на русской стороне. Так, в 1793 г. известно как минимум о двух русских гонцах (30 июня и 7 июля) доставивших письма к анапскому паше. В первом случае (2 письма) речь шла о налетах на русскую территорию и захвате в плен хорунжего Бескровного и поляка Петра Малого. Хорунжий Бескровный спустя месяц после захвата в плен бежал и благополучно добрался на русскую сторону, однако добрался он уже без своего имущества (помимо имущества были деньги – 75 червонцев), которое и стало предметом для диалога с турками (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 3-30б.). Необходимо отметить, что в ходе переговоров анапский паша Мустафа просил вернуть в Анапу 14 бежавших из крепости греков, которые якобы бежали с частью царской (городской) казны (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 68). Позднее хорунжий Бескровный прибыл к анапскому паше, следственными мероприятиями были найдены и опознаны черкесы, участвующие в грабеже Бескровного, но грабители заявили, что 75 червонцев они не брали и принесли в том клятву (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104-105).

7 июля в Анапу прибыл второй гонец с двумя письмами, в которых речь шла об ограблении и пленении черкесами казака Романа Руденченко и возвращении других захваченных казаков. Во время своего нахождения в Анапе гонец поручик Семен Поливода сумел опросить плененного служителя Иосифа с куреня Величковского. В ходе опроса было установлено, что Иосиф попал в Анапу после нападения 12 черкесов на 5 казаков куреня находившихся на русской стороне на охоте. В ходе столкновения 3 казака были убиты и ограблены, а два, включая Иосифа, уведены на

черкесскую сторону. Об обстоятельствах этого дела было доложено анапскому паше, который пообещал разобраться в данном деле, вызывая черкесских князей (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81-84). В ходе разбора данного дела часть имущества и оба плененных впоследствии были переданы русской стороне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105об.-106).

Необходимо отметить, что власть Турции в регионе была весьма нестабильна (крепость Анапа была построена только в 1785 г.), а черкесское общество находилось в условиях гражданской войны между низами и барами, вызванное восстанием ших Мансура. В 1794 г. хатукайские и шпедушские князья изъявили желание стать российскими верноподданными вместе со своими простолюдинами. Необходимо отметить, что данный вопрос решала сама императрица Екатерина II, дело в том, что Россия и Турция формально находились в мирных отношениях. Однако отказ возможным союзникам мог повлечь геополитические последствия. Напомним, что восстание ших Мансура изменило не только государственное устройство части черкесских племен (натухайцы, шапсуги и абадзехи), которые утратили историческую власть князей и получили власть мусульманского духовенства, но и законодательное право хождения по территории Черкесии получил находящийся под запретом Коран (Cherkasov et al., 2016: 5). В результате Екатерина II приняла половинчатые меры: хатукайским и шпедушским князьям было отказано в поступлении в русское подданство, но, тем не менее, они получили право выпаса скота на русской территории (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 44об.-46об.). Помимо этого Екатерина II дала шапсугским князьям небольшую воинскую команду в составе 100 казаков при поддержке 2 орудий для возвращения исторической власти шапсугских князей над простолюдинами. Несмотря на то, что в 1795 г. сводные российско-черкесские войска (шапсугскую знать поддержали и аристократические черкесские племена) разгромили войска шапсугских простолюдинов, власть шапсугской знати восстановлена не была. Вот как описывает это событие в своем письме анапский Сейд Мустафа паша: «Народы из черкес и абазинцов, именуемые первые шапсик, а последние бзадук, имея между собою почти всегда непристанную ссору, и хотя от стороны моей посылаю ради примирения их, но бзадуки в рассуждении жительства своего близ реки Кубани, и имея дружбу с черноморскими казаками видно прибегли к ним под защиту и по незнанию вашему собрали из нерассудительных казаков с оружиями, и двумя пушками перейдя через учрежденную границу по сию сторону реки Кубана и соединя казаки с бзадускими и напав на шапсыков учинили чрезвычайное поражение: где побито немалое число народа» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383. Л. 12). При этом анапский паша просил русское правительство обуздать казаков впредь от подобных действий (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383. Л. 12об.).

Курс на сохранение мира с турками и отказа черкесской знати в переходе в русское подданство в 1796 г. поддержал и следующий русский император Павел I (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 15-15об.). Существенной проблемой были бежавшие из Черкесии на русскую сторону представители разных народов. В январе 1797 г. последовал запрет на прием горских армян на русскую сторону (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 7), а в феврале этот список был расширен за счет черкес, татар и лиц другого звания. Исключение составляли только российско подданные христиане, находящиеся в плену (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 20-20об.).

В марте 1797 г. представители Черноморского войскового правительства обратились к анапскому Осман паше с письмом, в котором были перечислены все грабежи закубанских черкесов в течение 1794–1796 гг. и находилось требование удовлетворить потери в полной мере, а также вернуть захваченных в плен казаков согласно 6-й статьи Ясского мирного трактата. От Порты требовалось также обуздать горских жителей «дабы они впредь отнюдь не смели для хищничества впадать в пределы войска Черноморского» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 14-14об.). Претензии казаков к Турции, не считая захваченных в плен и убитых, составили 16210 руб. и 30 коп. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 15об.). В июне 1797 г. участвующий в переговорах с турками русский посланец подпоручик Лозинский доложил, что от Осман паши получено 7 волов, 2 быка, 3 коровы с теленком и 1 теллица, а также 7 лошадей (2 кобылы, 4 коня и 1 жеребенок). Помимо этого было отдано 1 ружье и денег медной монетой 1 руб. 25 коп., а также возвращена захваченная в 1796 г. крестьянская девка Маримьяна Иванова (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 63).

В августе 1797 г. анапский Осман паша вернул еще двух российскоподданных, а именно куреня Ираклиевского казака Андрея Лебеда (захвачен в плен 1 февраля 1797 г.) и Ивана Садовникова, который будучи маркетантом был пленен 13 лет назад (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 109-109об.). 1 сентября Осман паша передал русским малороссиянина Петра Подгребного (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 120). Возвращение Петра Подгребного стало большой проблемой для турецкой администрации. Дело в том, что Петр Подгребной находился в рабстве у абазинского узденя Довлет мурза Навруз овлу, узнав о том, что его раба вернули русским, он осуществил нападение на казаков из конвоя русского гонца близ Анапы и захватил у них трех лошадей. Казаки обратились к анапскому паше и принятыми мерами им лошадей возвратили, тогда уздень объявил, что возьмет свое на русской стороне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 366. Л. 120об.). По мере того как турецкая администрация пыталась настоять на возвращении пленников и казачьего имущества все более обострялись социальные противоречия между черкесами и турками. Все чаще начали проявляться случаи неповиновения со стороны черкесов, которые считали пленников своей законной добычей.

Осуществлялись контакты России и Турции и в области обмена информацией о готовящихся вторжениях черкесов на русскую сторону. Так, 25 февраля 1798 г. анапский Осман паша своим посланником известил русскую сторону о том, что «горские черкесы, собравши теперь человек до 200 конные, намерены сделать через Кубань при Курках переправу ради хищничества скота и прочего из лежащих при сей стороне черноморских селений» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 382. Л. 3). 27 апреля такая же информация была получена от турецкой стороны о готовящемся вторжении черкесов численностью около 1,5 тыс. человек (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 382. Л. 12-120б.). Разумеется, что после получения таковой информации казаки резко увеличивали свое присутствие на границах.

Тем временем долг Турции за грабежи черкесов на русской стороне постоянно увеличивался. Так, 10 марта 1798 г. правительству Османской империи была передана декларация чрезвычайного посланника и полномочного русского министра Кочубея. В декларации в частности отмечалось: «Похищенный в 1792-м, 93, 94, 95 и 96-м годах закубанскими черкесскими ордами на землях казаков разный скот и вещи, не будучи еще и по ныне возвращены, невзирая на повторительные о том отправленные ферман, нижеподписавшийся подал блистательной Порте ноту, коего по силе 6-й статьи Ясского трактата требовал от нея уплаты 33666 пиастров, составляющих достоинство сих похищений, которым доставлена была ей прежде обстоятельная ведомость. А как Осман паша, анапский комендант в тоже время донес Б. Порте, письмами своими от 25-го лун Сефера и 9-го Джемазиул Еввеля, коих выписки сообщила она нижеподписавшемуся, что им возвращено до 135 разного рода скотин, несколько ружей и вещей, то нижеподписавшийся тою же нотой своею предъявил ей готовность вычесть из упомянутых 33666 пиастров ту сумму, которая следоватъ будет за предъявляемые нашего возвращения, с тем однако ж, чтоб оные засвидетельствованы были расписками османских чиновников.

Блистательная Порта предварительно удовлетворению на требования ниже подписавшегося признала за благо отправить на место по сему предмету Мубашира, но как срок трактатов выговоренных давно уже миновал, и что посылка Мубашира до смыслу оно не касается, то и выдала Б. Порты нижеподписавшемуся 20312 пиастров и 15 пар, а остальные 13352 пиастра и 25 пар удержала из вышепомянутых 33666 пиастров, яко сумму составляющую достоинство похищенных анапским пашею возвращений, приняв правилом для оценки разного звания скота, самую вышнюю цену, показанную в вышесказанной Порте сообщенной ведомости.

Нижеподписавшийся объявляя, что он упомянутые 20312 пиастров и 15 пар принял, обязуется, как за себя, так и за министра Его Императорского Величества при Б. Порте преемника своего возвратит из сея суммы те деньги, которые доведутся за могущие быть отысканные и возвращенные отправленным Мубаширом похищения, в чем при обратном его сюда прибытии должен он представить потребные доказательства, и в таком случае правилом оценки приняты будут самые низкие цены разного звания скота, в реченной же ведомости Б. Порте поданной положенные.

А как доказательства в возвращении скота и других вещей в письмах анапского паши упоминаемые, и вскоре сюда доставить обещанные и поныне через столь долгое время сюда еще не присланы, с другой же стороны нижеподписавшийся не имеет от казаков никакого о сих отысканиях сведения, то и объявляет также он, что самому ли себе или преемнику своему во всей Императорской миссии представляет требовать от Б. Порты вычтенные ею 13352 пиастра и 25 пар, в случае ежели б сказанные возвращения на сию сумму простирающиеся не были утверждены, нужными доказательствами, во уверение чего дал он сию Декларацию за подписанием своим с приложением Герба своего печати» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 214-215об.).

Серьезное проблемой для русских стало бегство черкесских дворян и простолюдин на русскую сторону. Так, например, 16 апреля 1798 г. на русскую сторону перешла ногайская дворянская семья вместе со своими простолюдинами. Всего 50 человек (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 123). На русском форпосте ногайцев встретил майор Гуляк. Рапорт майора Гуляка на имя графа Коховского станет лучшим свидетельством произошедшего диалога: «имею честь вашему сиятельству покорнейше донести, что как реченный дворянин Шостан Али сам, так равно семейство его и подданные сугубо стражею войска Черноморского казаков на том самом месте, куда переправлены при берегу Кубани окружены, при чем хотя и твердил я ему через переводчика невозможность основанных по высочайшему соизволению принять его в подданство России и при том лично ему же приказывал переправляться обратно в свои пределы, но он указывая на ту сторону Кубани на свое жилище, занятое уже его неприятелями, жаждущими его гибели, повторяя те же самые свои изъяснения, каковые в прежнем рапорте моем показаны и падши на колени, простирая к небу руки горько плачучи решительно отвечивал, что «не пойду, а ежели хочешь потопаи меня, все семейство и подданных». Я не могши при таковом его упорстве употребить какова ему ... ему оружия; вашему сиятельству мною донеся всепокорнейше прошу и что на случай и дальнейшего его уговаривания против моих понуждений, которые я ему во исполнении вышереченного вашего сиятельства повеления через переводчика каждого дня твердить буду, повеленно будет учинить резолюциею меня не оставить» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 383. Л. 7-70б., 10). Близкий случай произошел 4 июля 1798 г. когда на закубанском берегу появились два ногайца просившие перевезти их на русскую сторону, когда им в этом было отказано они переплыли реку Кубань и попросили убежища, на

возражения русского начальства ногайцы попросили русских их умертвить, но не отправлять назад (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 388. Л. 5-50б.).

Тем временем черкесские грабежи и убийства на русской стороне не прекращались. В ноябре 1798 г. партия черкесов напала на казачий кордон в Курках и захватила там 26 казачьих лошадей, пленили и жестоко убили одного казака. Казаки организовали преследование на закубанской территории, однако доверенный анапского паша владетель Мурадин ага, через земли которого отступали черкесы не только не задержал напавшую партию, а выслал другой отряд из 150 черкесов, которые преградили путь казакам и одного казака убили, а другого ранили в ходе столкновения (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 238-238об.). Русская сторона выказала свои претензии по данному факту, однако анапский паша ответил, что люди Мурадин ага в данном деле участия не принимали, в чем князя Мурадиновым якобы и дали присягу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237-237об.).

В это время туркам становится очевидно, что черкесы саботируют постановления турецкой администрации в вопросах прекращения налетов на русскую сторону. В 1798 г. анапский паша, недовольный поступками закубанцев, отправил в горы 1,5 тыс. своих солдат для наведения порядка. Едва турки стали подходить к ближайшему шапсугскому селению, как шапсуги выслали парламентаров и сообщили, что у них наготове 20 тыс. воинов. Паша был вынужден возвратиться (Бутков, 1869: 550). Необходимо отметить, что анапский паша далеко не всегда действовал силой, для получения влияния над черкесами он женился на абазинской княжне (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 140 об.).

По мере увеличения турецкого долга за грабежи черкесов русской администрации становится очевидным, что турки далеко не на всех черкесов распространяют свое влияние. Более того среди черкесов формируется и постоянно увеличивается партия ориентированная на вторжения в Россию. Понимая, что только дипломатическими целями оградиться от нападений черкесов на русскую территорию не получится 27 мая 1800 г. русский император Павел I утвердил план вторжения на черкесскую территорию с целью наказать самые хищные черкесские племена. Командующим сводных войск был назначен генерал-майор Драшкович. Планами предусматривалось отправить несколько егерских полков усиленные черноморскими казаками. Предполагалось накануне выяснить места, где находятся черкесские партии, места их жительства и т.д. Действия предполагалось вести в нескольких направлениях с обязательным обеспечением коммуникаций между подразделениями. Одной из главных целей ставился захват главарей черкесских партий, осуществляющих набеги на русскую сторону и разграбление их имущества (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49-49об.). Согласно плана требовалось «покоряющихся щадить, требовать только от них удовлетворения грабежей и к обеспечению спокойствия впредь в залог аманатов; **а в случае окажутся они в таких силах и намерениях, чтобы нам противостоять, тогда нанести удар, который бы вперил им навсегда ужас и страх к гневу и оружию Его Императорского Величества**» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49об.). Иными словами целью готовящейся экспедиции было «где нужно народам показать, что оружие Его Императорского Величества на одних зломышленных только возмутителей общего покоя стремится, на закубанцев тех, коих начальник их анапский паша за их неистовые грабежи и неповиновение власти отвергся, а к пребывающим в соседнем мире и тишине приязнь и дружба существует; и для того объявляя сие везде и всем в пределах закубанских весьма беречь и щадить тех, кои в хищничествах не участны и невинны» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49-49об.).

При этом при планировании экспедиции было обращено внимание на то, что за Кубанью есть несколько семейств, которые добровольно вступили в российское подданство, и по высочайшему распоряжению были поселены на землях черноморского казачьего войска, однако бежавшим за Кубань Явбук беим они были насильно уведены к черкесам. Согласно получаемым сведениям эти семьи подвергались там преследованиям за преданность России. В результате предполагалось в случае согласия черкесов забрать их на русскую сторону (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т.1. Л. 49об.-50).

Необходимо отметить, что в план проведения экспедиции были посвящены и турки. Так, 16 мая товарищ анапского паша Кегвя бей сообщил, что уже 23 селения абазинцев приведены в повиновение, поэтому предлагалось исключить данные селения из зоны действия экспедиции. Абазинцы обещали вернуть имущество черноморских казаков и выдать всех захваченных ими людей.

28 декабря 1802 г. черкесы осуществили нападение на дистанцию Староредутского кордона. Об этом было доложено новому русскому императору Александру I. Император полностью поддержал проводимые мероприятия в отношении черкесов. В подписанном государем указе от 3 декабря 1802 г. отмечалось: «Признавая справедливым мнение, что народ (имеются ввиду черкесы – Авт.) необузданной, привыкший к хищничествам и делая из оного единственное свое упражнение, не иначе может быть воздержан и принужденным жить в добром соседстве, как страхом наказания за всякое их хищничество, ибо по невежеству своему могут приписать к немогуществу снисхождения им оказываемое из человеколюбия, но так же если позволить нашим делать им репрессии и входить к ним в пределы, не ограничивая сие позволение, то весьма вероятно, что из сего произойдут злоупотребления ими делаемые против их столько же несправедливы, как они теперь против нас; в предупреждение сего и чтобы утвердить спокойствие границы нашей, заставляя их опасаться делать покушения, предписываю вам:

1-е наистрожайше подтвердить всем командующим дистанциями по границе отнюдь никакой несправедливости соседственным народам не делать, а иметь с ними дружественное обращение и раз то стараться приобрести их доверенность, все кои же противной сему поступок наистрожайшие наказуем будет, за исполнение чего бдительно наблюдать главным командующим, за что и сами отвечать будут;

2-е если не взирая на сие доброе обращение, соседственные народы беспокоят границу нашу, тогда немедленно сделать репрессаль им для наказания и преследования их, если нужда того востребует в пределы к ним, но не участвующих в учиненном злодеянии не трогать, отнюдь оставлять в покое и тем доказать им, что наказание единственно на виновных всегда простирается, отнюдь о всяком таковом происшествии и репрессалье мне доносить обстоятельно, означив именно за что оно учинено, и под опасением заслуживаемого наказания начальники отвечают, чтобы сие не было употреблено во зло;

3-е предоставить командиру тамошнего кордона расположить по границе разъезды к лучшей удобности и безопасности кордону, уведомляя меня какие против теперешнего сделаны будут перемены (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 123-123об.).

На протяжении первых 4-х месяцев 1803 г. черкесы ежемесячно осуществляли нападения на русскую сторону. Так, в январе на Александровском кордоне черкесы убили одного офицера и 2 казаков, ранили 3-х, пленили 8 казаков, помимо этого посадили на пики жену и сестру убитого офицера; на Новоурачериновском и Славянском кордонах захватили в плен 3-х казаков. В феврале на Марьинском кордоне убили одного офицера¹ и 2-х казаков, 4-х ранили, одного захватили в плен. В апреле убили двух казаков и одного захватили в плен. В мае на Марьинском кордоне одного казака убили и одного пленили (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 144). За сделанные черкесами преступления русское командование начало готовить показательную экспедицию. В состав экспедиционной группы войск были включены части Черноморского казачьего войска, а именно 7 конных полков и 8 пятисотенных пеших полков при 4 трех-фунтовых орудиях, а также 14-й и 15-й егерский полки (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 141-142).

Согласно плану экспедиции предполагалось сперва выслать на черкесскую сторону отряд из 50 казаков для занятия позиции на черкесском берегу реки Кубани, для обеспечения скрытности переброски войск. Затем скрытно ночью переправить полки в Закубанье. Первыми должны были двигаться конные полки, за ними половина пехоты с орудиями, за пехотой егеря и оставшаяся часть пехоты, прикрываемая двумя конными полками. Подразделения должны подойти к аулам черкесов до рассвета. Задачей кавалерии ставилось окружить аул, дабы не позволить черкесам укрыться в лесу и организовать сопротивление. После наказания черкесов предполагалось той же дорогой вернуться на русскую территорию (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 145-146). В скором времени экспедиционная операция была проведена. Начиналась Кавказская война...

5. Заключение

Завершая необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX вв. между Россией и Турцией был создан обширный диалог по черкесским вопросам:

1. Четко была определена имущественная и финансовая ответственность за хищения черкесов на русской стороне;
2. В случае получения турками информации о формировании крупной партии черкесов для вторжения на русскую сторону, турки незамедлительно информировали об этом русскую сторону;
3. Существовал обмен пленниками и беглецами, исключение составляли только переходящие на сторону России христиане, а на сторону Турции – мусульмане (случай бегства 6 русских солдат принявших ислам). В целом поддерживался запрет на принятие бежавших с черкесской территории представителей местных народов;
4. К концу XVIII в. явно стали обнаруживаться тенденции к тому, что турки не могли убедить черкесов прекратить нападения на русскую сторону. В результате русская администрация начала прибегать к осуществлению редких репрессивных мероприятий.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения квалификации РУДН «5–100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

Литература

Бобровский, 1893 – Бобровский П.О. Кубанский егерский корпус 1786–1796 гг. СПб., 1893.

¹ За период с января по февраль 1803 г. черкесами в ходе нападений на русскую сторону было убито два офицера. В работе А.Л. Гизетти «Сборник сведений о потерях Кавказских войск...» потерь среди офицеров, погибших на кордонах близ реки Кубани, не значится (Сборник сведений о потерях, 1901: 4). Таким образом, можно говорить о том, что потери офицерского корпуса в этой работе представлены не полно.

- Бутков, 1869** – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1869.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Казаков, 2006** – Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв. Биографический справочник. Нальчик, 2006.
- Лапинский, 1995** – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Люлье, 1990** – Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. Северо-кавказский филиал МЦТК «Возрождение». 1990.
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Сталь, 1900** – Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. // Кавказский сборник, 1900. Т. 21. С. 60-173.
- Торнау, 2008** – Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. В 2 ч. Майкоп, 2008.
- Cherkasov et al., 2014** – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 2014, 8, 3: 64-72.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries // *Brukenthal. Acta Musei*, 2015, X. 1: 76-77.
- Cherkasov et al., 2015a** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries) // *Rusin*. 2015, 4 (42). pp. 53-65.
- Cherkasov et al., 2015b** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. // *Bylye Gody*, 2015, (3). 37: 541-548.
- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries) // *Annales Ser. hist. sociol.* 2016, 26 (1): 1-12.

References

- Bobrovskii, 1893** – Bobrovskii P.O. (1893). Kubanskii egerskii korpus 1786–1796 gg. [The Kuban Jaeger corps 1786–1796]. SPb. [in Russian]
- Butkov, 1869** – Butkov P.G. Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [The materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. V 3 ch. Ch. 2. SPb., 1869.
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar territory].
- Kazakov, 2006** – Kazakov A.V. (2006). Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX vv. [The circassians in the Russian military. Governors and officers. The middle of the sixteenth century – the beginning of the twentieth century]. Biograficheskii spravochnik. Nal'chik. [In Russian]
- Lapinskii, 1995** – Lapinskii T. (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russian]. Nal'chik. [in Russian]
- Lyul'e, 1990** – Lyul'e L.Ya. (1990). Cherkessiya: istoriko-etnograficheskie stat'i [Cherkessia: historical and ethnographic articles]. Severo-kavkazskii filial MTsTK «Vozrozhdenie». [in Russian]
- Sbornik svedenii o poteryakh, 1901** – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspien region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [In Russian]
- Stal, 1900** – Stal K.F. (1900). Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda [The ethnographic sketch of the Circassian people]. *Kavkazskii sbornik*. T. 21. pp. 60-173. [in Russian]
- Tornau, 2008** – Tornau F.F. (2008). Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera [The memoirs of a Caucasian officer]. V 2 ch. Maikop. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2014** – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64-72.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2015). The Daily Life and Morals of Circassian Society: A Historical-Comparative Investigation based on sources from the period between the Mid-16th and the First Half of the 19th centuries. *Brukenthal. Acta Musei*, X. 1: 76-77.
- Cherkasov et al., 2015** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S. (2015). Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries). *Rusin*. 4 (42). pp. 53-65.

Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*, (3). 37: 541-548.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales Ser. hist. sociol.* 26 (1): 1-12.

УДК 93/94

Черкесия в русско-турецких взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX вв.

Горан Райович ^{a, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^b, Алла Геннадьевна Вазерова ^c, Милица Трайлович ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается Черкесия в русско-турецком диалоге в конце XVIII – начале XIX вв. Уделено внимание малоизвестным страницам взаимоотношений России и Турции в вопросах сохранения стабильности на территории Черкесии накануне Кавказской войны. В частности это взаимодействие отразилось в ответственности Турции перед Россией за грабежи черкесов на русской стороне и в попытках турецкой администрации предотвратить нападения черкесов на русскую территорию.

В качестве материалов привлечены документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечены были также дореволюционные и современные исследования отражающие процесс взаимоотношений России и Турции по черкесским вопросам. Методологическую основу статьи составили традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический и сравнительный методы.

В заключении авторы констатируют, что в конце XVIII – начале XIX вв. между Россией и Турцией был создан обширный диалог по черкесским вопросам. Так, четко была определена имущественная и финансовая ответственность за хищения черкесов на русской стороне, существовал обмен пленниками и беглецами, в целом поддерживался запрет на принятие бежавших с черкесской территории представителей местных народов. К концу XVIII в. явно стали обнаруживаться тенденции к тому, что турки не могли убедить черкесов прекратить нападения на русскую сторону. В результате русская администрация начала прибегать к осуществлению редких репрессивных мероприятий.

Ключевые слова: Черкесия, русско-турецкие договоренности, конец XVIII – начало XIX вв., черноморское казачество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)